

МАЖОР

на

ШТРАФ СТОЯНКЕ

Руслан Куликов

Мажор на штрафстоянке

«Автор»

2026

Куликов Р.

Мажор на штрафстоянке / Р. Куликов — «Автор», 2026

У Вари Ершовой два правила. Первое: никто на юрфаке не должен знать, что по ночам она водит отцовский эвакуатор. Второе: держаться подальше от мажоров. Оба правила рухнули за одни сутки. Белый «Порше» на месте для инвалидов, перепалка под фонарём и хозяин машины, которого Варя отправила на штрафстоянку. Утром он входит в её аудиторию. Марк Ланской, наследник строительной империи, новый одноклассник. И теперь — её напарник по семестровому проекту. Он знает её тайну и предлагает сделку: она помогает ему с учёбой, он молчит. Но у Марка тоже есть секрет. А его отец, привыкший всё покупать, предлагает Варе деньги на операцию папы в обмен на то, что она исчезнет из жизни сына. Что выбрать: деньги, которые спасут отца, или человека, которому она впервые поверила?

© Куликов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не наш клиент	5
Глава 2. Сделка на чёрной лестнице	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Руслан Куликов

Мажор на штрафстоянке

Глава 1. Не наш клиент

Белый «Порше» стоял на месте для инвалидов так, будто лично оплатил этот кусок асфальта.

Варя заметила его ещё с Малой Бронной. Машина сияла под фонарём, как улыбка из рекламы стоматологии, и занимала разметку целиком — наискосок, задом к синему знаку. Ни пропуска за стеклом, ни аварийки. На приборной панели валялись тёмные очки, брошенные с той небрежностью, с какой оставляют вещи там, где их никто не посмеет тронуть.

— Красавец, — оценил инспектор Палыч и зевнул так, что у него хрустнула челюсть. — Фотографируй, Варвара, и грузим. Внук в десять засыпает, хочу успеть сказку дочитать.

Она сделала шесть снимков: номер, знак, разметка, колёса, общий план, ещё раз номер. Отец учил: если машина дорогая, кадров нужно вдвое больше, чем кажется. Богатые владельцы любят суды почти так же сильно, как парковаться где вздумается.

Палыч разложил протокол на капоте служебной «Нивы», а Варя забралась в кабину и опустила платформу. Гидравлика заскулила знакомо, по-собачьи. Этот звук она узнала бы из тысячи — лучше, чем мелодию своего будильника.

Три года назад отец впервые пустил её за руль: «Просто посиди, почувствуй». С первого курса она ездила с ним напарницей: крепила ремни, снимала нарушения, заполняла бумаги. А прошлой весной его спину заклинило прямо в рейсе, на Каширке, и чувствовать пришлось уже всерьёз. Права категории «С» Варя получила в девятнадцать, в группе из одиннадцати мужиков, и инструктор до последнего занятия называл её «дочкой» — словно имени у неё не было вовсе.

Теперь отец лежал дома в ортопедическом корсете, пересматривал «Глухаря» и ждал операцию, которая стоила как подержанная иномарка. Варя четыре вечера в неделю отработывала его смены. Днём у неё был второй курс юрфака, римское право, конспекты и однокурсницы с безупречным маникюром. Вечером — трос, лебёдка, мазут под ногтями. Эти две жизни не пересекались, и за их границей она следила строже, чем за зачёткой.

«Порше» сидел низко, почти касаясь брюхом дороги. Пришлось подложить под колёса деревянные бруски, чтобы не содрать губу переднего бампера. Не из жалости к хозяину — из профессиональной гордости. Варя не царапала машины. Даже такие.

Лебёдка потянула. Белый корпус медленно, нехотя вполз на платформу, и Варя затянула ремни на колёсах, проверив каждый дважды.

И тут от дверей ресторана кто-то крикнул:

— Эй! Это моя машина!

Он шёл быстро, но не бежал. Так ходят люди, которые с детства знают: их подождут. Высокий, в светлом пальто нараспашку, телефон в руке. Следом трусили двое приятелей, выставив перед собой смартфоны, — судя по красным огонькам, они снимали.

— Марк, это контент, — восторженно сообщил один. — Это прям контент.

Варя прыгнула из кабины. Отступать было поздно: «Порше» уже сидел на ремнях, а Палыч дописывал последнюю графу.

— Опустить её, — сказал парень. Не попросил — распорядился, тем же тоном, каким подзывают официанта. — Сколько?

— Сколько чего?

— Не начинай. Сколько, чтобы ты нажала кнопку и мы разошлись.

Вблизи он оказался моложе, чем ей почудилось издалика, — ровесник, от силы на год старше. Тёмные волосы, резкие скулы, взгляд человека, который заранее знает ответ и лишь ждёт, когда его произнесут вслух. От него пахло дорогим парфюмом и чужим праздником.

— Ровно столько, сколько насчитают на штрафстоянке, — ответила Варя. — Эвакуация плюс хранение. Адрес в протоколе.

— Штрафстоянка, — повторил он, словно пробуя незнакомое блюдо. — Это где-то в Бутове?

— В Печатниках.

— Чудесно. Ты хоть представляешь, как мне неудобно туда тащиться?

— Представляю. Людям на колясках тоже неудобно, когда их место занято.

Приятель с телефоном присвистнул. Парень взгляделся в неё пристальнее, и Варя почти услышала, как у него в голове что-то щёлкнуло. Секунду назад она была приложением к кнопке. Теперь — собеседником.

— Подожди. Ты что, сама на этом едешь?

— Нет, платформа водит себя сама. Я тут для красоты.

Второй приятель прыснул, и, к удивлению Вари, хозяин машины рассмеялся тоже — легко, без обиды. Это сбивало с толку сильнее любой грубости.

— Ладно. Давай по-человечески. Я Марк. — Он протянул руку.

Варя показала ладони, чёрные от смазки.

— Не советую.

— Я не боюсь испачкаться.

— Зато ваше пальто боится.

— Молодой человек! — Палыч наконец оторвался от «Нивы». — Распишитесь. Или не расписывайтесь, мне без разницы, отказ я тоже оформлю.

Марк чиркнул подписью, не читая, и снова повернулся к ней:

— Как тебя зовут?

— Ершова.

— Это фамилия.

— Для жалобы хватит.

— Ланской, такси через минуту! — крикнули от ресторана.

Варя замерла с ключами в руке. Ланской. Эти же буквы, метровые, синие, тянулись по строительным заборам, мимо которых она каждое утро шла к метро: «ЛАНСКОЙ ГРУПП. Город, в котором хочется жить». Выходит, асфальт под «Порше» и правда мог принадлежать его семье.

— Ещё увидимся, Ершова, — сказал Марк.

— Только если снова встанете на это место.

Она забралась в кабину и тронулась, не оглядываясь. Не выдержала только на светофоре: глянула в боковое зеркало. Он стоял под фонарём, руки в карманах, и улыбался — так, будто только что выиграл, а не лишился машины.

Именно эта улыбка не давала ей уснуть до трёх ночи.

Будильник зазвенел в семь десять, и первые полминуты Варя честно не понимала, на каком она свете.

Кофе из автомата на третьем этаже отдавал жжёным картоном. Она проглотила его залпом, как лекарство, и проскользнула в триста двенадцатую за минуту до звонка. Лиза Тарасова — единственная на курсе, с кем Варя делила не только конспекты, но и сырники в столовой, — уже заняла ей место у окна.

— Ты выглядишь так, будто всю ночь разгружала вагоны, — шепнула Лиза.

— Почти.

Ближе к правде Варя не подходила никогда.

— Слышала новость? К нам переводят парня из Лондона. Говорят, вылетел оттуда, и папа пристроил его сюда, поближе к дому.

— Пусть хоть с Марса.

Дверь хлопнула, и аудитория стихла. Профессор Зарецкий, сухой, седой, в неизменной бабочке, вёл гражданский процесс так, что его семинаров боялись даже отличники. Он бросил портфель на кафедру и обвёл всех взглядом поверх очков.

— Семестровый проект, — объявил он без приветствия. — Учебный судебный процесс. Работаете парами: один — истец, другой — ответчик. Пары я составил сам, и обсуждать их мы не будем.

По рядам прокатился стон. И тут дверь снова открылась — без стука.

На пороге стоял Марк Ланской. Вместо пальто на нём был чёрный свитер, в руке — бумажный стаканчик, на лице — ни капли раскаяния. Лиза вцепилась Варе в локоть.

— Ланской, полагаю? — Зарецкий даже не повернул головы. — Опоздать на первое же занятие — смелое начало. Садитесь. Свободно только у окна, рядом с Ершовой.

Услышав фамилию, Марк приподнял брови. Потом нашёл её глазами — и улыбнулся. Той самой улыбкой, из-под фонаря.

Он пересёк аудиторию под прицелом двадцати пар глаз, опустился на соседний стул и положил перед Варей сложенный листок. Копия вчерашнего протокола — того самого, под которым он расписался не глядя. В графе «водитель эвакуатора» стояло: «Ершова В. А.». На обороте размашистым почерком: «Доброе утро, Ершова».

У неё похолодели пальцы. Два года она прятала платформу, мазут и ночные смены от всех, кто сидел в этой аудитории. Теперь хватило бы одной его фразы, сказанной чуть громче шёпота.

— Итак, пары, — Зарецкий развернул список. — Абрамова — Гусейнов. Белых — Тарасова... — Он вёл пальцем вниз, не торопясь. — Ершова — Ланской. Варвара Андреевна, вы ответчик. Тему иска выбирает истец.

Марк наклонился к ней так близко, что она снова уловила вчерашний парфюм.

— Предлагаю дело о незаконной эвакуации, — шепнул он. — Обещаю, будет весело.

Варя сжала ручку, и пластиковый колпачок треснул у неё в кулаке.

Граница, которую она охраняла два года, рухнула за одно утро. И теперь сидела рядом — в чёрном свитере, с кофе, и совершенно не собиралась уходить.

Глава 2. Сделка на чёрной лестнице

Едва Зарецкий закрыл журнал, Варя поднялась, взяла Марка за рукав свитера и, не говоря ни слова, повела к выходу. Двадцать пар глаз проводили их до двери. Лиза, кажется, перестала дышать.

Чёрная лестница пахла известкой и чужими сигаретами. Сюда сбегали с пар пятикурсники, но в половине одиннадцатого здесь было пусто, только голубь возился на подоконнике за мутным стеклом.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Для начала кофе. Мой из-за тебя остыл.

— Я серьёзно.

— Я тоже. — Марк прислонился к перилам. — Но могу и про остальное. Почему ты так перепугалась? Девушка водит восьмитонную платформу. По-моему, это круто.

— Для тебя — круто. А для них я стану дочкой эвакуаторщика. — Варя кивнула в сторону коридора. — Ты не знаешь этот курс. Здесь у половины родители в судах и прокуратуре. Мне хватает того, что я бюджетница из Текстильщиков.

Он помолчал. Голубь за окном тоже притих, будто прислушивался.

— Хорошо. Тогда расскажу, чего хочу я. Отец дал мне ровно один семестр. Завалю — никакого второго шанса в Лондоне, никакой машины, и в январе я выхожу прорабом на его стройку в Капотне. — Марк произнёс это без тени усмешки. — Российский гражданский процесс я видел только в сериалах. А ты — первая в рейтинге группы. Он висит на сайте деканата, я посмотрел, пока ехал в метро.

— Ты ехал на метро?

— Машина, если помнишь, ночует в Печатниках. Впервые за два года спустился под землю.

— И как?

— Там пахнет людьми.

Варя едва не рассмеялась и разозлилась на себя за это.

— Значит, так. Я тяну с тобой проект, а ты держишь язык за зубами. Это шантаж, Ланской.

— Это сотрудничество, — поправил он. — Шантаж — когда тебе страшно. А ты не боишься. Ты злишься.

Она и правда злилась: на его спокойствие, на эту лестницу, на себя — за то, что вчера не проехала мимо белого «Порше». Отец бы проехал. Сказал бы: «Не наш клиент, Варюха, от таких одни проблемы».

— Условия мои, — отрезала она. — Встречаемся по субботам, в библиотеке, на людях. Ты читаешь всё, что я дам. И больше никогда не ставишь машину на место для инвалидов.

— Даже если очень спешу?

— Особенно если спешишь.

Марк протянул руку — как вчера, под фонарём. На этот раз ладони у неё были чистыми, и отказаться стало нечем. Рукопожатие вышло сухим и коротким. Тёплым — тоже, но об этом Варя решила не думать.

Лиза поймала её у гардероба.

— Вы что, знакомы?

— Видела в новостях, — соврала Варя и сама удивилась, как гладко это прозвучало. — У него отец строит полгорода.

— Он тебе подмигнул, когда ты уходила.

— Он всем подмигивает. Это у них семейное.

Лиза недоверчиво прищурилась, но отстала. А Варя всю дорогу до метро чувствовала во рту привкус этой лжи. Два года она обманывала курс, но Лизе до сих пор не вралась ни разу. Граница, оказывается, проходила и между ними.

Дом в Текстильщиках был пятиэтажным, без лифта, с вечно перегоревшей лампочкой между третьим и четвёртым. Варя одолевала эти пролёты на ощупь: щербатая ступенька, перила, обмотанные изолентой, дверь соседки, за которой бубнил телевизор.

Отец лежал на диване в корсете и чинил смеситель, не вставая. Кран покоился у него на груди, рядом поблёскивали прокладки и разводной ключ.

— Пап, ты зачем?

— Капает. Раздражает. — Он отложил ключ и посмотрел на неё так, как смотрят перед плохими новостями. — Звонили из клиники. Освободилось окно на четырнадцатое ноября.

— Это же здорово!

— Здорово. Только предоплату надо внести до конца месяца, иначе место отдадут следующему по списку. Триста сорок тысяч.

Варя машинально покосилась на полку, где стояла жестяная банка из-под индийского чая со слонем на крышке. Там лежало сто двенадцать тысяч — всё, что они наскребли за полгода.

— Продам платформу, — сказал отец.

— А жить мы на что будем, пока ты восстанавливаешься? На мою стипендию?

Он не ответил. В тишине было слышно, как на кухне упрямо капает вода.

Ночью Варя лежала и считала. Двести двадцать восемь тысяч за пять недель. Даже если брать смены каждый вечер и забросить учёбу — не выходило. Цифры не сходились, как их ни переставляй.

В половине первого завибрировал телефон. Номер незнакомый.

«Суббота, 11:00, Ленинка? Или по субботам ты эвакуируешь кого-нибудь ещё? М.»

Свой номер она ему не давала. Зато в протоколе стоял телефон отцовской фирмы — тот самый, что теперь лежал у неё под подушкой.

Варя набрала: «Ленинка не наша, у нас своя библиотека». Стёрла. Написала: «11:00. Читальный зал на втором. Не опаздывай». Отправила, перевернула телефон экраном вниз и долго смотрела в потолок, по которому от фар проезжающих машин скользили бледные полосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.